
МОРФОЛОГИЯ

УДК: 81.2.2

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-114-122

Значение концепции Р. О. Jakobson для исследования категории засвидетельствованности

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье представлен анализ теоретико-лингвистического обоснования статуса, семантики и функций глагольной категории засвидетельствованности Р. О. Jakobsonом в его известной работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». Аргументировано выделение Р. О. Jakobsonом отдельной грамматической категории засвидетельствованности (evidential) в процессе исследования им лингвотипологической классификации глагольных категорий и их системной организации в научной парадигме общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации). Прослежено значение теоретической концепции Р. О. Jakobsonа для современных эмпирических исследований глагольной категории засвидетельствованности на примере выделения эвиденциальных грамматических форм глагола, обозначающих источник сведений «собственный прошлый опыт» в документированных фольклорных текстах бесписьменного селькупского языка.

Ключевые слова

глагольная категория засвидетельствованности, концепция Р. О. Jakobsonа, эвиденциальные грамматические формы глагола в селькупском языке

Для цитирования

Ильина Л. А. Значение концепции Р. О. Jakobsonа для исследования категории засвидетельствованности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 114–122. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-114-122

The significance of R. Jakobson's concept for the study of the category of evidentiality

L. A. Ilyina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the theoretical and linguistic substantiation of the status, semantics, and functions of the verbal category of evidentiality suggested by R. Jakobson in his famous work “Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb.” When studying the linguistic-typological classification of verbal categories and their organization in the scientific paradigm of the general linguistic theory of speech activity, the scholar distinguished a separate grammatical

© Л. А. Ильина, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

category of evidentiality. Its special function in a speech communicative act was identified as “indicating the source of information about the reported fact”, with illustrations of the morphological expression of different variants of the speaker’s evidence of the reported event provided. Jakobson examined the data of the two South Slavic languages, Bulgarian and Macedonian, and also the published descriptions of the indigenous languages of North America. However, of concern is his identification of the “indicated source of information about the reported fact” with the “transmitted fact of the message”, suggesting the morphologically expressed indication of some source of information to indicate the preceding speech communicative act, a previously received message. Jakobson refers to the source of information as “a message from some other person.” However, no explanation is provided regarding the basis and logic of attributing all “sources of information about a reported fact” to a “citation” source. This paper argues the Jakobson’s concept to serve as a theoretical basis for modern studies of the grammatical category of evidentiality. The significance of the verbal category of evidentiality is traced by describing the evidential verbal forms in the Selkup language.

Keywords

verbal category of evidentiality, the concept of R. O. Jakobson, evidential grammatical forms of the verb in the Selkup language

For citation

Ilyina L. A. Znachenie kontseptsii R. O. Yakobsona dlya issledovaniya kategorii zasvidetel'stvovannosti [The significance of R. Jakobson's concept for the study of the category of evidentiality]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 114–122. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-114-122

Первое теоретико-лингвистическое объяснение статуса, семантики и функций глагольной категории засвидетельствованности было дано Р. О. Якобсоном в известной статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», посвященной классификации и систематизации глагольных категорий, которая впервые была опубликована на английском языке в 1957 г., а в русском переводе вышла в 1972 г. [Jakobson, 1957; Якобсон, 1972].

Р. О. Якобсон на теоретико-лингвистическом уровне, в научной парадигме и метаязыковом контексте общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации) выработал первую в истории лингвистики типологическую классификацию глагольных категорий и обосновал самостоятельный статус в ней категории засвидетельствованности (evidential) как отдельной грамматической категории глагола, существенно отличающейся от всех других глагольных категорий своей коммуникативной функцией и грамматической семантикой.

Результатом классификации стал построенный теоретический объект современной лингвистики – типологическая модель абстрактной системы глагольных категорий, учитывающая материал многих языков, но не реализуемая в полной развитой форме в каком-либо отдельном языке. Эта типологическая модель представляется важной для сегодняшней лингвистики во многих отношениях. Прежде всего, она классифицирует глагольные категории по теоретически заданным существенным основаниям, что создает теоретико-лингвистическую базу для унифицированного эмпирического описания глагольных категорий конкретных языков. Вместе с тем она представляет собой один из образцов теоретизации отраслевого лингвистического знания на базе общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации), что делает способ построения данной модели методологически значимым для многих отраслей языкознания. Способ построения этого теоретического объекта, например, дает развивающейся современной типологии семантических универсалий не только теоретически обоснованную систему дифференцированных и соотнесенных между собой семантических сфер (зон, областей), грамматикализованных в глагольных категориях, но, что еще важнее, теоретически верифицированный метод выделения новых глагольных категорий, их уточнения и переструктурирования.

Метод, использованный Р. О. Якобсоном при классификации глагольных категорий, – это не индуктивное типологическое обобщение фактов конкретных языков, которое всегда является эмпирическим, незавершенным и недостаточно доказательным, а конкретизация и адаптация к решению частной проблемы концептуальной системы общелингвистической теории речевой коммуникации. Результатом ее конкретизации и адаптации стало построение опорного теоретического объекта – абстрактной концептуальной модели целостного акта речевой коммуникации, на основе которой

выделены и дифференцированы глагольные категории. Каждая из них имеет свой специфический, только ей присущий набор классифицирующих признаков, которые являются компонентами, отношениями и функциями речевого коммуникативного акта. Такой метод классификации логически обусловил и теоретически обосновал выделение двух новых самостоятельных глагольных категорий – таксиса и засвидетельствованности. От других глагольных категорий засвидетельствованность отличается прежде всего своей особой функцией в речевом коммуникативном акте, определяющей качественное своеобразие ее общего категориального значения, – «указание источника сведений о сообщаемом факте». Такой коммуникативной функции и, соответственно, такого категориального значения нет ни у одной из других грамматических категорий глагола, в том числе ни у категории времени, ни у категории наклонения [Якобсон, 1972, с. 99–102].

Процитируем полностью дефиницию глагольной категории засвидетельствованности Р. О. Якобсона и пояснения к дефиниции, опуская символы и формулы: «Засвидетельствованность (evidential) – этим термином предлагается называть глагольную категорию, учитывающую три факта (языковых явлений – *Л. И.*) [сообщаемый факт (абстрактное содержание сообщения, в отвлечении от участников ситуации – *Л. И.*), факт сообщения (речевой коммуникативный акт в абстракции от его участников – *Л. И.*) и, кроме того, передаваемый факт сообщения, т. е. указываемый источник сведений о сообщаемом факте]. Говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица (цитативные, т. е. от кого-то полученные сведения), на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти). В спряжении болгарского глагола различаются две семантически противопоставленные системы форм: “прямое повествование” и “косвенное повествование”. На наш вопрос о том, что произошло с пароходом “Евдокия”, один болгарин сначала ответил *заминала* ‘говорят, что отплыла’, а потом добавил: *замина* ‘я свидетель, что отплыла» [Там же, с. 101].

Автор также упомянул о македонских «формах достоверности», но только в сноске, о «последовательном различении, проводимом в глагольной системе македонского языка, между событиями, за достоверность которых “ручаются”, и “отдаленными” событиями» [Там же].

Поясняющий дефиницию перечень «источников сведений о сообщаемом факте», которые выражаются эвиденциальными грамматическими формами глагола, отчетливо свидетельствует, что автор опирался не только на данные двух южнославянских языков – болгарского и македонского, как нередко считается, но и на опубликованные результаты исследований ряда языков коренных этносов Северной Америки.

И все же содержание дефиниции Р. О. Якобсона не проясняет до конца ни эти интересные примеры морфологического выражения четырех различных вариантов засвидетельствованности говорящим события (ситуации), о котором он сообщает, ни показательные примеры болгарских однословных эвиденциальных высказываний, переводными эквивалентами которых оказываются русские сложные предложения, ни упоминание македонских глагольных «форм достоверности». Наименее ясным представляется отождествление в дефиниции «указываемого источника сведений о сообщаемом факте» с «передаваемым фактом сообщения». Это означает, что морфологически выраженное указание в эвиденциальном высказывании того или иного источника сведений о сообщаемом факте всегда является грамматическим указанием на предшествующий речевой коммуникативный акт, в котором были сообщены эти сведения. Следовательно, все эвиденциальные грамматические значения, указывающие различные источники сведений о сообщаемом факте, сводимы к базовому инварианту «акт речевой коммуникации», или «речевое сообщение». В исследованиях категории эвиденциальности, опирающихся на концепцию Р. О. Якобсона, такой базовый инвариант категориальной семантики засвидетельствованности даже не рассматривается. В большинстве работ учитывается, что эвиденциальное высказывание включает дополнительное сообщение об источнике сведений говорящего. Но оно трактуется как рефлексия говорящего по поводу референтного содержания высказывания, что сближает засвидетельствованность с оценкой, т. е. с модальностью и, соответственно, с категорией наклонения. Это расходится с дефиницией Р. О. Якобсона, не включающей в число классифицирующих признаков засвидетельствованности участников коммуникативного акта, а следовательно, рефлексии говорящего по поводу референтного содержания эвиденциального высказывания («сообщаемого факта»).

Из статьи и дефиниции Р. О. Якобсона прямо следует, что дополнительная часть эвиденциального высказывания – это «элемент кода» (морфологический показатель), который не выражает оценочной рефлексии говорящего по поводу «сообщаемого факта», а указывает источник сведений говорящего о «сообщаемом факте», приравненный к «передаваемому факту сообщения», т. е. к предшествующему акту речевой коммуникации, ранее полученному сообщению. Неслучайно, что сразу вслед за дефиницией приведен наиболее отчетливо соответствующий ей источник сведений – «сообщение какого-либо другого лица (цитативное, т. е. сведение, полученное от кого-то)». Этот «цитативный» (пересказывательный, ренарративный) источник суть речевой коммуникативный акт по своей природе. Термин «цитатив» восходит к американистике. В статье отмечено несколько индейских языков (квакиутль, хопи, туника), в которых «имеются специальные морфологические средства для обозначения событий, известных говорящему только на основании свидетельств других лиц» [Якобсон, 1972, с. 96]. Аналогичный источник сведений иллюстрируется и болгарским примером: *заминала* 'говорят, что отплыла'. Именно цитативные сообщения, передающие в новом коммуникативном акте предшествующие сообщения, называл «передаваемыми» или «перемещенными» высказываниями Л. Блумфилд [1968, с. 42–43], на которого в начале статьи сослался Р. О. Якобсон, заимствовавший данный термин и определивший «указываемый источник сведений о сообщаемом факте» как «передаваемый факт сообщения». Но каковы основания и логика такого приравнивания всех источников сведений к цитативному источнику, ни в пояснениях к дефиниции, ни вообще в рассматриваемой статье не разъясняется. Трудно судить, не понято ли это непрозрачное место дефиниции современными исследователями категории эвиденциальности или понято, но не принято. Примеры его анализа нам не известны, а такой анализ необходим в силу опорного фундаментального статуса концепции Р. О. Якобсона для современных исследований категории засвидетельствованности.

При осмыслении реализованных в рассматриваемой статье принципов и критериев классификации глагольных категорий, теоретических оснований выделения новых категорий глагола – засвидетельствованности и таксиса, объяснений самостоятельного статуса и существенного своеобразия общей и базовой категориальной семантики глагольной категории засвидетельствованности важно учитывать один факт. Р. О. Якобсон на всем протяжении своей научной деятельности работал в парадигме направления теоретической лингвистики, которое концептуально моделировало язык не на уровне «langue», то есть «статичной синхронии», а на уровне «language» – «речевой деятельности». Понятие «речевая деятельность» первично было введено еще Ф. де Соссюром, вслед за которым многие лингвисты рассматривали речевую деятельность, отдельный речевой коммуникативный акт, который включает говорящего, слушающего и, соответственно, активные творческие процессы порождения (кодирования) речевого сообщения говорящим и интерпретации (декодирования) слушающим, как фундаментальное обобщающее понятие теоретической лингвистики. Такие работы появились еще в первой половине XX в., в том числе в России. А во второй половине XX в. в существенной мере под влиянием трудов Р. О. Якобсона и Э. Косериу сформировалась современная теоретическая лингвистика, базирующаяся на общелингвистической теории речевой деятельности, или в терминосистеме Р. О. Якобсона – «теории речевой коммуникации». Р. О. Якобсон ставил знак равенства между современной теоретической лингвистикой и теорией речевой деятельности (речевой коммуникации), а общий предмет лингвистической науки понимал как «изучение коммуникации, осуществляемой с помощью речевых сообщений» [Якобсон, 1985, с. 319]. В этом предмете выполнены все его исследования, в том числе фонологические.

Следует отметить, что, разрабатывая и развивая свою версию теории речевой деятельности, Р. О. Якобсон опирался на соответствующие идеи и наработки российского теоретического языкознания. Наиболее полно и системно они представлены и развернуты в главной общелингвистической работе Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», впервые опубликованной в 1931 г. и переизданной в 1974 г. в собрании работ Л. В. Щербы по общему языкознанию с показательным названием «Языковая система и речевая деятельность» [Щерба, 1974]. Поэтому версия теории речевой деятельности Л. В. Щербы вполне может быть использована при анализе неясных мест в концепции глагольной категории засвидетельствованности Р. О. Якобсона. В аналогичной функции разъяснения непрозрачных мест в рассматриваемой концепции могут использоваться и другие работы. Концептуальный аппарат теории речевой деятельности эксплицитно

введен на общелингвистическом уровне в трудах Э. Косериу и развернут в его исследованиях фундаментальных проблем языкознания. Это, в частности, проблемы языковых изменений (инновационного процесса в языке), проблемы взаимодействия социально-коммуникативных и внутривидовых факторов в процессах функционирования и эволюции языка (взаимодействие «нормы» и «системы» языка), проблемы моделирования глубинной целносистемной организации языка («тетратомическая» модель языка: речь – норма – система – тип) [Косериу, 1963].

Еще раз подчеркнем, что Р. О. Якобсон анализировал глагольную категорию засвидетельствованности как один из частных аспектов исследования лингвотипологической классификации глагольных категорий и их системной организации. Тем не менее не вполне развернутая концепция Р. О. Якобсона служит и будет служить в перспективе теоретическим фундаментом специальных исследований засвидетельствованности и как морфологической категории глагола, и как универсальной семантической категории.

Исследование засвидетельствованности как морфологической категории глагола актуально в настоящее время, например, для описания эвиденциальных грамматических форм глагола в самодийских языках, в частности, для описания глагольных форм времени.

Классики самодистики, начиная с М. А. Кастрена, прямо указывали на условность используемых ими темпоральных терминов [Castren, 1854, с. 373–376]. Н. М. Терещенко писала: «Говоря о временах глагола, необходимо сделать оговорку, что применительно к ненецкому языку термин “время” применяется нами в значительной степени условно. Соотношение между моментом совершения действия и моментом речи выражается этой категорией весьма нечетко» [Терещенко, 1947, с. 184].

Отметим, например, что Р. О. Якобсон выделил ментальный источник сведений, основанных «на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти)» [Якобсон, 1972, с. 101]. Важно подчеркнуть, что глагольные формы, обозначающие этот источник сведений, будут относить сообщаемый факт к прошлому относительно момента речи. Тем не менее Р. О. Якобсон трактовал данное значение как эвиденциальное, а не темпоральное и, соответственно, включал глагольные формы, выражающие значение «память о собственном прошлом опыте», в категорию эвиденциальности, а не в категорию времени.

Н. А. Козинцева в работе «Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)» также рассматривала этот источник информации и тоже отнесла его к числу значений прямой засвидетельствованности [Козинцева, 1994, с. 92].

По нашему мнению, в традиционном бесписьменном селькупском языке, еще не подвергшемся на грамматическом уровне интерферирующему влиянию типологически контрастного русского языка, подобное значение выражала глагольная форма с показателем *-s-*, которая считалась формой прошедшего времени индикатива.

Анализ языкового материала документированных архаичных срезов селькупского языка показывает, что темпоральная семантика прошлого у данной формы не выходила за пределы времени жизни говорящего. Но и в этих весьма узких для граммы прошедшего времени темпоральных рамках персонального витального цикла она имела существенные ограничения. Факты и обстоятельства собственного рождения, забытые ситуации этой формой не выражались. В большинстве проанализированных нами примеров границы использования данной глагольной формы очерчивались семантикой «отчетливо помню». Поэтому семантику, выражаемую селькупской формой с показателем *-s-*, мы определяем как грамму прямой засвидетельствованности прошлых ситуаций с базовым значением «личная память».

Показательно, что в селькупских мифологических текстах, записанных одним из классиков самодистики Г. Н. Прокофьевым в начале XX в., глагольные формы с показателем *-s-* употребляются только в сообщениях персонажей о фактах собственного прошлого опыта. Приведем примеры:

(1) (*LōZb-ira*): «*Uū! iZēčarьqьt qəttьt tīrьp amDəqək qorsan oьp polь=s=ak!* (проглотить =EVID=SUBJ:1SG)».

‘(Дух-хозяин): «Уу! В старину целый город (букв.: города совокупность) когда я съел (букв.: в моем съедении), тесла голову **проглотил я**» [Прокофьев, 1935, с. 103].

(2) (*JomBa*): «*mat apsytqo qunDьт̄ qumьт tæпDьн̄к şip jьт̄=s(â)=tьт* (послать, пустить=EVID=SUBJ:3PL): *qə́л̄ьр qə́тqо mḗl taçalnấт̄т̄*».

‘(Йомпа¹): «Меня с голоду (букв.: еды ради) умирающие люди к тебе **послали**. Рыбу добыть совсем не могут»’ [Прокофьев, 1935, с. 108].

(3) (*JomBa*): «*mat ukōt teşinDьт tətalBь=s=ak* (уговаривать, упрашивать=EVID=SUBJ:1SG), *мьта nấт̄ şip qə́çijьт̄*».

‘(Йомпа): «Я прежде вас **уговаривал**, впредь, мол, меня оставьте»’ [Прокофьев, 1935, с. 104].

(4) *Ньнь LōZь-ira niçik kə́т̄ьт̄ьт̄ь*: «*mat ukōt tat taræ ḗрт̄æqæk iļmatqə́ь, utьsæ şittь nьtqьll̄eiko-limBь=s=am* (порвать, разорвать=EVID=OBJ:1SG)».

‘Затем Дух-Хозяин так сказал: «Я прежде тебе наподобие в бытности моей, в молодости моей, руками надвое **разрывал**»’ [Прокофьев, 1935, с. 105].

(5) *Tat taræ eпт̄æqæk orсьт̄ьт̄ qumak e=s=ak* (быть=EVID=SUBJ:1SG).

‘Тебе наподобие в бытие мое сильным человеком **был я**’ [Прокофьев, 1937, с. 121].

(6) *Ūkōt mat kora=s=ak* (ездить, бороздить=EVID=SUBJ:1SG), *ti koraptǽт̄ çə́н̄ка*.

‘Раньше **я ездил**, теперь езда моя отсутствует (т. е. я не езжу)’ [Прокофьев, 1935, с. 66].

(7) *п̄aromьп̄ koraptǽнь çontoqьт̄ koçci nuļ loqap kontьr=s=ap* (видеть=EVID=OBJ:1SG)

‘По тундре езды моей в середине многочисленного песка **видел я**’ [Прокофьев, 1937, с. 122].

И в фольклорных текстах, и в отдельных предложениях, приводимых Г. Н. Прокофьевым в его работах, не встречается примеров выражения формой на -s- действий, происходивших за рамками темпорального плана прошлой сознательной жизни говорящего:

(8) *т̄еньсьт̄ьт̄ qumьт̄ьр mat qonDьr=s=ap* (видеть=EVID=OBJ:1SG).

‘Умных людей **я видел** (вообще)’ [Прокофьев, 1935, с. 63].

(9) *âtæсæ ty=s=ak* (прийти, приехать=EVID=SUBJ:1SG).

‘На оленях (букв.: оленем) **приехал (я)**’ [Прокофьев, 1935, с. 32].

(10) *nāqьr ā́т̄æp sārь=s=ap* (запрячь=EVID=OBJ:1SG).

‘Трех оленей **запряг я**.’ [Прокофьев, 1937, с. 120].

(11) *mātqæk ilь=s=ak* (жить=EVID=SUBJ:1SG).

‘В чуме своем **жил (я)**’ [Прокофьев, 1937, с. 119].

(12) *mat irannā́n ty=s=ak* (прийти=EVID=SUBJ:1SG).

‘**Я** от старика **пришел**’ [Прокофьев, 1935, с. 31].

(13) *mat aşsa mi=s=ap* (дать=EVID=OBJ:1SG).

‘**Я** не **давал**’ [Прокофьев, 1935, с. 95].

Эти и другие примеры Г. Н. Прокофьева, на наш взгляд, отражают ясно выраженное в традиционном селькупском языке коммуникативное употребление формы с показателем -s- преимущественно в форме 1-го л. ед. ч. Это обусловлено, скорее всего, существованием в языковой компетенции селькупов основного эвиденциального значения формы -s-, указывающего на прямую засвидетельствованность говорящим фактов прошлого. Н. А. Козинцева, например, также отмечала типичность для

¹ *Йомпа* – герой мифов.

языков, имеющих глагольную категорию эвиденциальности, использование форм прямой засвидетельствованности преимущественно при характеристике действий первого лица, а форм косвенной засвидетельствованности – при характеристике действий третьего лица [Козинцева, 1994, с. 100].

Показательно также, что форма с показателем *-s-* в традиционном селькупском языке не могла употребляться в фольклорных зачинах. В фольклорных зачинах на документированных архаичных срезах бесписьменного селькупского языка использовалась только форма «личной незасвидетельствованности» с показателями *-mp(V)-* или *-p(V)-*, в зависимости от типа основы. Данная форма обозначала давнее прошлое, выходящее за пределы времени жизни говорящего и известное ему от прежних поколений, из исторических преданий и мифов, выполняя одновременно роль цельнотекстового маркирования всего произведения как не засвидетельствованного сказителем:

(14) *JomBa im̄lanD̄sæ il̄b=mb̄a=q̄b* (жить=EVID=SUBJ:3DU)
 'Йомпа с бабушкой своей **жили**' [Прокофьев, 1935, с. 103].

(15) *Ukk̄r qum il̄b=mm̄b=nt̄b* (жить=EVID=SUBJ:3SG), *nim̄b – T̄ssija*.
 'Один человек **жил**, имя его Тыссия.' [Прокофьев, 1937, с. 123]

(16) *Irakotam̄q̄æqi il̄b=mp̄a=q̄i* (жить=EVID=SUBJ:3DU). *Šitt̄ ijat̄ ε=pp̄=a*
 (быть=EVID=SUBJ:3SG).
 '**Жили** старик со старухой. У них **было** два сына' [Прокофьева, 1966, с. 415].

(17) *čumylkut ir kyd βad'em aβeš̄pu=mba=dyt* (есть=EVID=OBJ:3PL): *hangyn βad', n'abyn βad'er*.
 'Остяки (букв.: чумулькипы) раньше только мясо **ели**: глухариное мясо, утиное мясо' [Ким, 1997, с. 188].

(18) *Icakusyka imyl'asyq̄āj il̄y=mm̄y=nt̄=š̄j* (жить=EVID=SUBJ:3DU).
 'Ичакычика **вдвоем** с бабушкой **жили**' [Кузнецова и др., 1993, с. 13; 52].

(19) *Il'tyk il̄y=mp̄=a* (жить=EVID=SUBJ:3SG), *w̄arqy t̄āt̄yp̄y. Nūjaty ε=pp̄=a* (быть=EVID=3SG).
 'Ильтык **жил**, большой шаман. У него бубен **был**' [Кузнецова и др., 1993, с. 34].

Таким образом, на языковом материале ранних документированных срезов селькупского языка, представленных в основном фольклорными текстами, прослеживается противопоставленность граммем «личная память» («собственный прошлый опыт») / сообщение другого лица («цитативные», т. е. от кого-либо полученные сведения) как один из вариантов оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности. Это еще раз подтверждает, что концепция Р. О. Якобсона имеет значительный потенциал развития в современных специальных исследованиях в конкретных языках, служит и будет служить теоретическим основанием для эмпирических описаний засвидетельствованности как морфологической категории глагола.

Список литературы

- Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 559 с.
 Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 219 с.
 Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
 Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностранной литературы, 1969. С. 143–343.
 Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1993. 196 с.
 Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР. 1935. 132 с.

- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 91–124.
- Прокофьева Е. Д. Селькупский язык // Языки народов СССР. Т. III. М.: Наука, 1966. С. 396–415.
- Тереженко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
- Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. Якобсон. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 319–330.
- Castren M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854. 608 с.
- Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Harvard University, 1957.

Список условных обозначений и сокращений

EVID – показатель эвиденциальной формы глагола; **SUBJ** – субъектное спряжение; **OBJ** – объектное спряжение; **1SG** – личный аффикс 1-го л. ед. ч.; **3SG** – личный аффикс 3-го л. ед. ч.; **3PL** – личный аффикс 3-го л. мн. ч.; **3DU** – личный аффикс 3-го л. дв. ч.

References

- Blumfeld L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress, 1968, 559 p. (In Russ.).
- Castren M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854, 608 p.
- Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb*. Harvard University, 1957.
- Jakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verb categories and the Russian verb]. In: *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 95–113. (In Russ.).
- Jakobson R. O. Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Language in relation to other communication systems]. In: R. Jakobson. *Izbrannye trudy* [R. Jakobson. Selected writings]. Moscow, Progress, 1985, pp. 319–330. (In Russ.).
- Kim A. A. *Ocherki po sel'kupsКОЙ kul'tovoy leksike* [Essays on Selkup cult vocabulary]. Tomsk, TSU Publ., 1997, 219 p. (In Russ.).
- Koseriu E. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. In: *Novoe v lingvistike. Vyp. III* [New in linguistics. Iss. III]. Moscow, Izd. inostran. lit., 1969, pp. 143–343. (In Russ.).
- Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1994, no. 3, pp. 92–104. (In Russ.).
- Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Khelimskiy E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku* [Essays on the Selkup language]. Moscow, MSU Publ., 1993, 196 p. (In Russ.).
- Prokof'eva E. D. Sel'kupskiy yazyk [Selkup language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. III* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. III]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 396–415. (In Russ.).
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya grammatika* [Selkup grammar]. Leningrad, Izd. Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935, 132 p. (In Russ.).
- Prokof'ev G. N. Sel'lupskiy (ostyako-samoedskiy) yazyk [Selkup (Ostyak-Samoyed) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. I* [Languages and writing of the peoples of the North. Pt. I]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1937, pp. 91–124. (In Russ.).
- Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yuraco-Samoyed) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 271 p. (In Russ.).
- Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, Nauka, 1974, 428 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.09.2022*

Сведения об авторе

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3469-9353

Information about the Author

Ludmila A. Ilyina – Candidat of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID 0000-0002-3469-9353